

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.20.13.006

ПРОБЛЕМЫ ЮЖНО-КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В НАЧАЛЕ XXI В.

А.И. Гойзман

В данной статье рассматривается проблематика южно-кавказской политики Ирана в начале XXI в. Актуальность темы возрастает при учете того обстоятельства, что одним из приоритетных направлений внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) является Южный Кавказ, являющийся сферой национальных интересов Российской Федерации. Интересы ИРИ в данном регионе предопределены многими факторами: общая история; территориальная близость; устоявшиеся связи; перспективный рынок для ее товаров и технологий; район, богатый нефтью и другими полезными ископаемыми; территория, через которую проходят крупные транспортные коммуникации. Нельзя не отметить и значение уз конфессиональной и этнической близости между Ираном и Азербайджаном, где большинство населения принадлежит к шиитской ветви ислама. Область этнического и конфессионального родства является и потенциальным источником угроз для обоих государств. Нельзя не отметить специфическое геополитическое и стратегическое положение ИРИ на путях из Европы в Азию. Кроме того, роль Южного Кавказа в региональной системе международных отношений значительно возросла в 90-е гг. прошлого века, была актуальна в начале XXI в. и остается таковой по сей день. Это связано, прежде всего, с разработкой каспийских энергоресурсов, их транспортировкой и возрождением Великого Шелкового пути. ИРИ стремится занять свою нишу в политическом и экономическом пространстве Южного Кавказа и в этой связи ведет активную внешнюю политику в регионе. Исследование показало, что именно в начале XXI в. южно-кавказский регион стал одним из самых опасных регионов постсоветского пространства из-за сохраняющихся здесь политических и военных конфликтов.

Ключевые слова: Иран, южно-кавказская политика Ирана, геополитика стран Южного Кавказа, международные отношения.

Для цитирования: Гойзман А.И. Проблемы южно-кавказской политики Ирана в начале XXI в. // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 13(20). С. 88-97. DOI: 10.46698/VNC.2023.20.13.006

После распада Советского Союза регионализм стал одной из главных черт иранской внешней политики [1]. Революционное «изменение» регионального поведения Исламской Республики Иран оставалось на риторическом уровне. Тем не менее, глобальные дипломатические ориентации революционного режима, по-видимому, определяют даже самые прагматичные региональные подходы к кавказской проблематике, к южно-кавказскому кризису в целом и Нагорно-Карабахскому конфликту в частности. Даже если иранские дипломаты использовали агрессивную риторику против «западного» и «сионистского» вмешательства на Южном Кавказе, следует отметить, что Иран всегда представлял себя посредником в трех основных кризисах в регионе: армяно-турецком, нагорно-карабахском, грузино-абхазском. Это прагматическое измерение напрямую связано с идеологическим корпусом «хомейнизма». Исламистская олигархия может быть прагматичной в осуществлении иранской политики на Южном Кавказе, но более широкие рамки иранской международной дипломатической ориентации – главным образом оспаривание «западного международного порядка» – представляют собой препятствие для консолидации иранской региональной власти. Лица, принимающие решения во внешней политике Ирана, являются мастерами использования тактических возможностей, таких как эволюция российско-американских отношений. Тем не менее, у них нет стратегического видения, позволяющего естественным образом выражать иранские национальные интересы на Южном Кавказе – регионе, который сохранил исторические и культурные связи с иранским миром, унаследованные от Персидской империи. Эта статья обоснует стремление Ирана к независимой внешней политике и представит основные факторы, объясняющие сохраняющуюся зависимость Ирана от российских интересов на постсоветском пространстве.

Учитывая многочисленные преимущества иранской дипломатии на Южном Кавказе после распада Советского Союза – ее географическое положение между Каспийским морем и Персидским заливом, культурные и языковые связи, ее нефтяные и газовые ресурсы и ее потенциал для оказания экономической помощи очень бедным странам – было предсказуемо, что Исламская Республика Иран станет первой региональной державой на Южном Кавказе.

Почему этого не произошло? Прежде всего, существует этническое препятствие на пути усиления иранского влияния. Это особенно верно для отношений с Азербайджаном, в силу сложных взаимоотношений между официальными Баку и Тегераном. Во-вторых, новые независимые государства Южного Кавказа решили действовать по модели, разделяемой небольшими пост-колониальными государствами: «Это означало, что вместо того, чтобы позволить конкретной стране чрезмерно влиять на их внешнюю политику, они попытались использовать отношения с широким кругом государств для максимизации своих собственных интересов» [2, 170–172].

Это намерение поддерживать сердечные отношения с широким кругом государств также объясняет разочарование турецкой дипломатии на постсоветском пространстве.

Дипломатическая модель малых государств применима ко всем государствам Южного Кавказа, даже если у них есть особые предпочтения на стратегическом уровне: с одной стороны, внешнеполитическая ориентация Армении благоприятствует России, с другой – предрасположенность Грузии и Азербайджана к западному альянсу (ЕС и США) была в основном оправдана общими энергетическими интересами. Несмотря на разногласия, все они пытаются поддерживать рабочие отношения со всеми соседними региональными державами, а именно с Ираном и Турцией, а также с международными державами, такими как Россия и США.

В 1990-е гг. геополитический разрыв между прозападной осью (Азербайджан-Грузия-США) и пророссийской осью (Армения-Иран-Россия) был основным инструментом для анализа стратегической эволюции региона и объяснения динамики региональной напряженности. После 11 сентября 2001 г. влияние Тегерана на Южном Кавказе по-прежнему сталкивалось с внешней политикой Вашингтона [3, 31–36].

Данная эволюция касалась геополитического раскола в регионе Южного Кавказа после «пятидневной войны» в августе 2008 г. и непредвиденных последствий так называемой политики перезагрузки двусторонних отношений Обамы с Москвой. Эта эволюция не изменила главного направления иранской дипломатии на Южном Кавказе – не сталкиваться с российскими интересами в этой области.

После Октябрьской революции 1917 г. официальные отношения между Арменией и Ираном значительно ухудшились. В советский период между Тегераном и Ереваном не эксплуатировались авиационные маршруты и не было построено мостов через реку Аракс, которая образует границу между двумя странами. Более того, не существовало дорожной сети для проезда в Советскую Армению с иранской территории. Однако неформальные отношения поддерживались между двумя странами через армянское меньшинство Ирана, которое в 1973 г. насчитывало 130 000 человек [4, 31–36]. Перерыв в официальных культурных и экономических отношениях был вызван главным образом административным централизмом советского государства, который сделал отношения между соседним ирано-армянским и армянским населением практически невозможными. Например, письму, отправленному из района Джолфа в Иране, потребовалось бы два месяца, чтобы добраться до другой стороны границы, расположенной всего в нескольких километрах. Более того, политические препятствия ограничивали общение между армянским населением Ирана и населением Советской Армении. Во-первых, Реза-шах Пехлеви (1925–1941) опасался, что армянские соратники иранской коммунистической партии использовались Москвой для ведения шпионской деятельности в

Иране. Во-вторых, хотя СССР разрешал владельцам иранских паспортов ездить в Советскую Армению, шах Пехлеви, опасаясь коммунистической заразы, не позволил им вернуться в Иран. Этот запрет был окончательно снят после исламской революции 1979 г.

После обретения Арменией независимости в 1991 г. успех ирано-армянского воссоединения был долгожданным с 1828 г. Рейсы между Тегераном и Ереваном были введены в 1992 г. Аналогичным образом, временный мост (1992-1994), а затем постоянный (1995), названный армянами «мостом дружбы», был построен через Аракс в Мегри, что позволило доставлять товары из Ирана в Армению на грузовиках [5]. Какой бы искренней ни была ирано-армянская дружба, она по-прежнему в первую очередь определялась национальными интересами двух партнеров. Граница с Ираном была единственным маршрутом, по которому Армения могла получать поставки, поскольку она находилась в турецко-азербайджанской блокаде из-за конфликта в Нагорном Карабахе. Другой возможный маршрут, а именно граница с Грузией, представлял ограниченный интерес, поскольку эта страна находилась в состоянии анархии после распада СССР. Более того, армяно-грузинские отношения осложнялись претензиями со стороны джавакских армян, проживающих на территории, принадлежащей Тбилиси. Со стороны Тегерана целью было участие в активной дипломатии по отношению к новым независимым государствам постсоветского Кавказа. Таким образом, решение вступить в союз с христианской Арменией соответствовало национальным интересам Ирана, учитывая, что по ту сторону границы лидеры нового азербайджанского государства после обретения независимости выступали за создание Великого Азербайджана, включающего азербайджанские провинции на севере Ирана. Поэтому для властей Тегерана имел смысл стремиться сохранить целостность иранской территории, поддерживая Армению в ее войне против Баку по вопросу Нагорного Карабаха.

Присутствие в Иране армянской общины не было главной причиной этого дипломатического союза. Однако его существование способствовало развитию двусторонних торговых и культурных контактов, и в частности академических и туристических обменов. В 2007 г. в Ереване насчитывалось около 3000 иранских студентов. И наоборот, всего десять армянских студентов учились в Иране, как правило, в течение одного года. Обычно между Тегераном и Ереваном совершается два рейса в неделю, а в праздничные дни – четыре. Автобусы также ежедневно курсируют между Тегераном и Ереваном. Ежегодно Армению посещают от 50 000 до 60 000 иранцев. Однако визиты армянских туристов в Иран очень редки. В 1992 г. Иран стал вторым по величине торговым партнером Армении после России. Такая ситуация сохранялась, и в 2007 г., когда годовой товарооборот составлял 200 миллионов долларов, Иран по-прежнему был одним из основных экономических партнеров страны. Хотя Иран не явля-

ется ведущим торговым партнером в количественном выражении, Россия и Туркменистан являются первым и вторым партнерами Еревана соответственно, остается фактом, что обеспечение поставок в Армению Ираном является необходимым для выживания армянской экономики. Более того, многие иранские торговцы-армяне, обратившиеся за армянскими паспортами в начале 1990-х гг., были разочарованы плохими возможностями для инвестиций в постсоветскую экономику Армении.

Торговые отношения действительно расширились после создания в 2003 г. свободной зоны Арас, расположенной в иранской провинции Восточный Азербайджан [6, 104–109], целью которой было поощрение иностранных инвестиций в Иран, но армянские инвесторы были быстро разочарованы коммерческими возможностями, предлагаемыми этой свободной зоной. Торговля в настоящее время осуществляется в большей степени в контексте двусторонних отношений. В результате коммерческая активность в приграничной зоне непрерывно снижалась с середины 1990-х гг. Торговые отношения также осложняются провалом двусторонних переговоров о либерализации торговли. С февраля 2003 г. Армения является членом ВТО, в то время как иранская экономика остается контролируемой государством и управляется на протекционистских принципах. Это противоречит заявленной Тегераном цели увеличения двусторонней торговли, поскольку армянская экономика более либеральна, чем иранская. С усилением американского давления, требующего разрыва отношений между банками Эмиратов и Ираном, между иностранными компаниями, устанавливающими коммерческие отношения с банками Ирана и Армении, сформировались значительные банковские связи. Однако отсутствие какого-либо армянского банка в Тегеране подчеркивает финансовые трудности, с которыми сталкивается любое государство, желающее торговать с Тегераном. В любом случае, желание Армении расширить экономическое сотрудничество с Ираном не встретило негативной реакции со стороны Вашингтона, поскольку американские власти осознают, что у армян нет реальной альтернативы торговле с Исламской Республикой.

Сотрудничество в области энергетики между двумя странами также растет. Планы строительства нефтеперерабатывающего завода и электростанции в Армении, которые будут использоваться для снабжения Ирана, могут, если они осуществляются, увеличить армянский экспорт в Иран на 30 миллионов долларов в год. И наоборот, сотрудничество по газу столкнулось с многочисленными трудностями. Во-первых, между началом переговоров о планах строительства ирано-армянского газопровода и его открытием в марте 2007 г. во время визита Махмуда Ахмадинежада в Армению прошло более пятнадцати лет. Однако иранские власти, похоже, не включают армянский рынок в число своих основных целей для экспорта газа, о чем свидетельствует согласие Тегерана уменьшить диаметр трубопровода по просьбе России и задержка с поставками газа. Поставки пла-

нировалось начать в декабре 2008 г., хотя трубопровод работает с марта 2007 г. Иран также мог бы разработать более амбициозную долгосрочную политику, если бы он отверг российские условия, которые препятствуют любому рассмотрению вопроса об экспорте иранского газа в Грузию или Украину. Этот выбор обусловлен как внутренними трудностями в иранском газовом секторе, так и проводимой Тегераном кавказской политикой уважения к российским интересам.

На дипломатическом фронте ирано-армянские отношения можно понять, только принимая во внимание роль Турции. Хотя Иран представляет себя посредником в соперничестве между Арменией и Турцией, следует сказать, что улучшение ирано-турецких отношений привело к охлаждению отношений между Тегераном и Ереваном. Наконец, хотя Исламская Республика никогда официально не признавала Геноцид армян, она делает это неявно. 24 апреля каждого года исламский режим уполномочивает армян Ирана почтить память геноцида 1915 г. Однако масштаб этих мероприятий варьируется в зависимости от состояния ирано-турецких отношений. Более того, часть Армянского музея в Исфahanе посвящена памяти о геноциде. Таким образом, ирано-армянский альянс в первую очередь основан на совпадающих геополитических интересах. Экономическое сотрудничество с Ираном жизненно важно для Армении, в то время как Тегеран может, в случае усиления американских и международных экономических санкций в будущем, использовать свой союз с Арменией в качестве экономического маршрута. Таким образом, изоляция этих двух соседних государств, хотя ее причины различаются, может привести их в предстоящие годы к активизации политического и экономического сотрудничества. С другой стороны, если Армении удастся вырваться из своей региональной изоляции, а Иран нормализует свои позиции на международной арене, вся причина создания альянса может быть поставлена под сомнение.

Культурная близость усиливается этническим аспектом ирано-азербайджанских отношений после распада Советского Союза. До этого Советский Союз использовал иранский Азербайджан в качестве дипломатического инструмента для политического проникновения и усиления своего идеологического влияния. В XX в. Советы были особенно активны в иранском Азербайджане, точнее, в три различных периода: 1905-1921, 1941-1947 и 1979-1981.

Культурные аспекты интеграции Азербайджана в набор идей, продвигаемых иранскими националистами и исламистами, остаются противоречивыми. С одной стороны, есть ощущение, что эти группы населения являются частью более широкой турецкой культурной общности. Религиозный консерватизм в равной степени разделяется как населением провинций иранского Азербайджана, так и политической и экономической элитой Исламской республики. Тем не менее, иранские азербайджанцы

выступают за более полное признание их культурных прав – в частности, школьного преподавания на азербайджанском языке.

С другой стороны, несмотря на идеологическую и этническую напряженность, экономическое сотрудничество между двумя соседями было сосредоточено на увеличении двусторонней торговли и построении партнерства, основанного на энергетике. Товарооборот между обоими государствами в 2009 г. достиг 550 миллионов долларов. Этим препятствием может быть американское давление на власти Азербайджана с целью ограничения торговли с Ираном и введения односторонних западных санкций, несмотря на экономические потери. После визита в Баку в октябре 2010 г. Стюарта Леви, заместителя министра финансов США, отвечавшего за санкции в отношении Ирана при администрациях Буша и Обамы, общественные дебаты были сосредоточены на необходимости предоставления США экономической помощи Азербайджану, чтобы сбалансировать негативные последствия введения санкций в отношении соседней страны. Что касается энергетических вопросов, то в январе 2011 г. между SOCAR и Иранской национальной компанией по экспорту газа было подписано газовое соглашение, и обе стороны определили дорожную карту энергетического сотрудничества. Соглашение предусматривало, что Иран экспортирует в 2011 г. один миллиард кубометров газа. Планировалось, что этот показатель удвоится (2 миллиарда кубометров в 2012 г.) и будет увеличиваться вплоть до 2025 г. в связи с увеличением пропускной способности газопровода между двумя странами. Соглашение было заключено перед визитом в Баку президента Европейской комиссии Жозе Мануэля Баррозу. Ирано-азербайджанское соглашение может быть истолковано как напоминание европейцам о том, что «Европа нуждается в каспийской энергии больше, чем каспийский регион нуждается в европейском рынке» [7, 71–81]. Другие аналитики утверждают, что Баку необходимо увеличить экспорт газа в результате стагнации добычи нефти. Баку уже может рассчитывать среди покупателей своего газа на Россию, Грузию и Турцию. Закупочная цена Ирана, по-видимому, будет такой же, как для Турции и России.

Учитывая антиссионистские и антиамериканские рамки иранской внешней политики, отношения Тегерана и Баку, вероятно, останутся ограниченными отношениями добрососедства без какого-либо доверия – неперемutable условие построения реального союза между двумя странами, которые разделяют тесные исторические и культурные связи.

Иранское стремление выглядеть независимой державой на постсоветском пространстве в целом и на Кавказе в частности в значительной степени остается несостоявшейся целью. Действительно, российская региональная гегемония и неприятие Исламской Республикой Иран любого американского присутствия в регионе ограничивают дипломатические

возможности Тегерана. Иранские лидеры не могут быть одновременно антиамериканскими и независимыми от российской политики на Кавказе. Следовательно, даже если реальное политическое измерение иранской политики бесспорно – защита территориальной целостности лежит в основе сотрудничества между государствами – широкие идеологические антизападные рамки дипломатии Тегерана часто являются антонимами продвижению иранских национальных интересов в регионе, особенно в отношении нефтегазового сектора.

Несмотря на эти ограничения, географическая, историческая и культурная близость, а также общие торговые интересы являются сильным стимулом для Ирана и его соседей по Южному Кавказу расширять двустороннее сотрудничество и преследовать стратегические цели по контролю над нестабильным регионом. Однако главным успехом южнокавказской дипломатии Тегерана является сближение с Арменией, поскольку эта политика не противоречит интересам Москвы. Для сравнения, новая цель Ирана стать партнером Грузии нереалистична, учитывая различный стратегический характер их внешней политики: Грузия является членом прозападного альянса, а Иран выступает за создание антизападного фронта в международном масштабе. Вопрос азербайджано-иранских отношений сталкивается с теми же препятствиями, что и предыдущий.

Тем не менее, в нефтегазовом секторе два соседа, похоже, выстраивают прагматичный союз [8]. Амбиции Ирана стать четвертой региональной державой (помимо США, России и Турции), обладающей значительным влиянием на Южном Кавказе, ограничены недостатками его внешней политики. Способность Ирана уменьшить свою зависимость от России станет испытанием для революционного государства на предмет проведения действительно независимой внешней политики – не только на риторическом уровне, но и на практике.

1. *Барзегар К.* Регионализм во внешней политике Ирана. Обзор по Ирану от 8 февраля 2010 г. [электронный ресурс]. URL:<http://www.iranreview.org/content/view/5334/37>.

2. *Хантер Ш.* Внешняя политика Ирана в постсоветскую эпоху, сопротивление новому международному порядку. Санта-Барбара: Прегер, 2010. 273 с.

3. *Джалили М.Р.* Иран и Кавказ: сохранение некоторого прагматизма // Ежеквартальный журнал. 2002. № 1(3). С. 49–58.

4. *Багиров Э.М.* Приоритеты внешней политики Ирана и проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе на рубеже XX-XXI вв.: дис... канд. ист. наук. М., 2006. 301 с.

5. Кеворкова Н. Какой Кавказ нужен Ирану [электронный ресурс]. URL:<https://armenia-am.livejournal.com/167257.html>

6. Арешев А. Экономические отношения Ирана с государствами Южного Кавказа в условиях частичного ослабления санкций // Российско-иранские отношения: проблемы и перспективы / под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 310 с.

7. Дунаева Е. Иран и Россия в современной геополитике // Восток (Oriens). 2012. №4. С. 71–81.

8. Мчедlishvili И. О распределении геополитических сил на Кавказе [электронный ресурс]. URL: <http://badri.286.wordpress.com/2014/01/08>

Goyzman, Anastasia I. – North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russia); rozemblit.a@gmail.com

PROBLEMS OF IRAN'S SOUTH CAUCASIAN POLICY AT THE BEGINNING OF THE XXIst CENTURY.

Keywords: *Iran, Iran's Caucasian policy, geopolitics of the South Caucasus countries, international relations.*

This article discusses the problems of the South Caucasian policy of Iran at the beginning of the XXIst century. The relevance of the topic is enhanced by the fact that the South Caucasus is one of the priority areas of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran (IRI), which is the sphere of national interests of the Russian Federation. Iran's interests in this region are predetermined by many factors: common history; territorial proximity; established connections; a promising market for its products and technologies; an area rich in oil and other minerals; the territory through which major transport communications pass. It is impossible not to note the significance of the ties of confessional and ethnic affinity between Iran and Azerbaijan, where the majority of the population belongs to the Shiite branch of Islam. The area of ethnic and confessional kinship is also a potential source of threats for both states. It is impossible not to note the specific geopolitical and strategic position of Iran on the routes from Europe to Asia. In addition, the role of the South Caucasus in the regional system of international relations increased significantly in the 90s. last century, was relevant at the beginning of the XXI century. and remains so to this day. This is connected, first of all, with the development of Caspian energy resources, their transportation and the revival of the Great Silk Road. The Islamic Republic of Iran strives to occupy its niche in the political and economic space of the South Caucasus and, in this regard, is pursuing an active foreign policy in the region. The study showed that it was at the beginning of the XXIst century. The South Caucasian region has become one of the most dangerous regions of the post-Soviet space due to the ongoing political and military conflicts.

For citation: Goyzman, A.I. *Problems of Iran's south caucasian policy at the beginning of the XX1st century*. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 13(20), pp. 88-97 (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.20.13.006

References

1. Barzegar, K. *Regionalizm vo vneshnei politike Irana. Obzor po Iranu ot 8 fevralya 2010 g.* [Regionalism in Iran's foreign policy. Review on Iran dated February 8, 2010]. [Electronic resource]. URL: <http://www.iranreview.org/content/view/5334/37>.
2. Khanter, Sh. *Vneshnyaya politika Irana v postsovetskuyu epokhu, soprotivlenie novomu mezhdunarodnomu poryadku* [Foreign policy of Iran in the post-Soviet era, resistance to the new international order]. Santa-Barbara, Preger, 2010. 273 p.
3. Dzhilili, M.R. *Iran i Kavkaz: sokhranenie nekotorogo pragmatizma* [Iran and the Caucasus: maintaining some pragmatism]. *Ezhekvartal'nyi zhurnal* [Quarterly magazine]. 2002, no. 1(3), pp. 49–58.
4. Bagirov, E.M. *Prioritety vneshnei politiki Irana i problemy regional'noi bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze na rubezhe XX-XXI vv.* [Priorities of Iran's Foreign Policy and Problems of Regional Security in the South Caucasus at the Turn of the 20th-21st Centuries]. PhD thesis (in History). Moscow, 2006. 301 p.
5. Kevorkova, N. *Kakoi Kavkaz nuzhen Iranu* [What kind of Caucasus does Iran need]. [Electronic resource]. URL: <https://armenia-am.livejournal.com/167257.html>
6. Areshev, A. *Ekonomicheskie otnosheniya Irana s gosudarstvami Yuzhnogo Kavkaza v usloviyakh chastichnogo oslableniya sanktsii* [Economic relations of Iran with the states of the South Caucasus in the context of partial easing of sanctions]. Dunaeva, E.V., Sazhina, V.I. (eds.). *Rossiisko-iranskie otnosheniya: problemy i perspektivy* [Russian-Iranian relations: problems and prospects]. Moscow, IV RAN, 2015. 310 p.
7. Dunaeva, E. *Iran i Rossiya v sovremennoi geopolitike* [Iran and Russia in modern geopolitics]. *Vostok (Oriens)* [East (Oriens)]. 2012, no. 4, pp. 71–81.
8. Mchedlishvili, I. *O raspredelenii geopoliticheskikh sil na Kavkaze* [On the distribution of geopolitical forces in the Caucasus]. [Electronic resource]. URL: <http://badri.286.wordpress.com/2014/01/08>